

Его называли предателем

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора

Сквозь высокое и длинное окно в меблированную со вкусом комнату пробивался лунный свет. Свечи на медных подставках не горели, хотя в комнате были люди. Трое сидели на креслах вокруг низкого стола, на котором лежал раскрытый свиток. Четвертый стоял, прислонившись к стене у запертой и забаррикадированной двери. Из-за усталого вида и изможденности лиц они казались старыми и утомленными, но их редкие черные бороды свидетельствовали о сравнительной молодости, а дискуссионный жар, там и сям прорывавшийся в их шепоте, говорил о том, что дух их был несломлен.

На них были надеты длинные, белые халаты, которые носили ученые Торы, но поверх их они были опоясаны мечами, а к стене были прислонены и другие виды оружия. В осажденном Иерусалиме, разьедаемом междоусобицами, даже раввинам приходилось быть готовыми к самообороне.

Вдруг, по сигналу человека, стоящего на страже, все умолкли и прислушались. В тишине слышались медленные, осторожные шаги. Постучали в дверь. Часовой подошел к окну и прошептал:

— Кто здесь?

Остальные обнажили мечи и заняли позиции вокруг двери.

В ответ из-за двери прошептали:

— Откройте! Мне необходимо поговорить с раввином!

— Кто вы, — опять спросил часовой, — и почему пришли ночью?

— Я пришел по срочному и тайному делу, — ответили снаружи, — я не могу открыть вам свое имя, но скажите раву Йоханану бен Закаю, что пришел мальчик, которого он носил в Бейт ХаМедраш.

— Тогда подождите, — сказал часовой. Он подошел к другой двери и постучал. Дверь открыл раввин средних лет. Часовой сказал ему:

— Раби Элиезер, скажите, пожалуйста, Учителю, что его срочно хочет видеть какой-то незнакомец. Он говорит, что он — тот мальчик, которого он носил в Бейт ХаМедраш.

— Да, рав звал его, — ответил раби Элиезер, — впустите его, осторожно, и пусть этот визит останется тайной.

Один из людей встал около двери с поднятым мечом, а другой сдвинул баррикаду и приоткрыл дверь.

Его называли предателем

Вошел высокий, широкоплечий человек. Лицо его было закутано в темный плащ, но выправка была военная. Дверь вновь забаррикадировали. Незнакомец сдал кинжал и дал себя обыскать. И раби Элизер провел его во внутреннее помещение.

Он ударил по кремню и вскоре сумел зажечь одну из свечей. При ее свете стало видно раввина с седой бородой, полулежащего на одном из диванов. Его тело было морщинистым, но лицо, сейчас выражавшее глубокую озабоченность, было ни старым, ни молодым; казалось, оно излучает какой-то внутренний свет.

Раби Элизер оставил их наедине. Раби Йоханан указал знакомцу на кресло, но тот продолжал стоять, возвышаясь над ним. Он снял плащ и оказался Аба Сикрой, командиром Зелотов.

— Мира, Аба Сикра! — сказал раввин, — как бы я хотел мира!

— Мы сражаемся за правое дело, — заявил командир, — за нашу свободу!

— Эту войну можно было избежать, — отвечал раввин тихо, — В конечном итоге римляне сместили бы прокуратора Флора. И как бы плохо ни было под его властью, это ничто по сравнению с тем, что теперь. А будущее...

— Моя ли вина в том, что загорелись склады? — запальчиво сказал Аба Сикра, — Если бы они сохранились, врагу никогда не удалось бы нас сломить!

Раби Йоханан продолжил смотреть на него немигающим взглядом, и Аба Сикра потупил взор. Он прекрасно знал, кто виноват, и что виновные оставались под его командованием. Раввин продолжал:

— А тем временем умирают с голоду тысячи людей. И вы еще надеетесь на победу?

В голосе командира проступила победная нотка:

— И так говорит глава Санхедрина! Ведь разве не сказано: «Много нас или мало, ничто не помешает Б-гу помочь»?

— Конечно, ничто не помешает, — отвечал раввин невозмутимо, — если Он считает нужным помочь. Но правое ли это дело? Никто на нас не нападал и никто не пытался запретить нам соблюдение Торы. Ваша партия называет эту войну освободительной, но что имеется в виду под словом «свобода»? Свобода служить Б-гу или власть и мирские почести? А народ — он воюют даже и не за это. Вы просто возбудили и науськали его своими лозунгами, наперекор рекомендациям Раввинского Совета, а теперь удерживаете его в городе исключительно террором. Люди не готовы отдать жизнь за «независимость». Они прожили под властью Рима уже более ста лет, и ничего, — как и более могущественные страны. Греция и Египет, Галлия и Британия — никто из них не помышляет о «независимости» и не собирается за нее сражаться. Нет, вы знаете, что это не вера в Б-га! Не потому вы продолжаете драться, а просто из упрямства или страха перед карой, которая вас постигнет в случае победы римлян. Я вас спрашиваю: неужели вы, трезво рассуждая, думаете, что с вашими необученными и голодными ополченцами сумеете разогнать эти отборные легионы?

Командир молчал.

— Еще не поздно, — продолжал раввин, — Веспасиан еще призывает нас сдаться и обещает не разрушать город и Храм. Конечно, наказание будет, но не такое страшное по сравнению с тем, что будет в случае продолжения сопротивления. Вы все говорите, что

Его называли предателем

готовы «умереть за народ». Так что же лучше в таком безнадежном положении: лидеру восстания пойти на риск, что его могут казнить, — а народ останется жить, — или довести ситуацию до того, что, не дай Б-г, все погибнут?

Аба Сикра сел и понурил голову. Молчание продолжалось целую минуту. Наконец он тихо промолвил:

— Поздно... Если я предложу сейчас сдаться, меня убьют свои же, как предателя. Слишком далеко все зашло. О Б-же!..

Воцарилась тишина.

По комнате пробежал холодок. Издалека доносился женский плач. Казалось, Земля Сиона оплакивала своих сынов.

Так они и сидели. В преддверии страшной беды. На народ Израиля нисходило длинное, горькое изгнание.

Они долго молчали. Затем раввин встал. Его вид был невероятно печален, взор устремлен вдаль. Он проговорил тихо, как бы про себя:

— Итак, свершилось. Пророчества сбываются. Разрушение. Рабство. Ужасные, бесконечные скитания. Тьма. Мученичество тела и души. Бедное рассеянное стадо, бедные любимые сыны нашего народа...

И он тихо заплакал.

Затем он продолжил уже более твердым голосом:

— Но оставшиеся возвратятся, это тоже предсказано. Тора не забудется, сказано и это. Когда падет Рим, а Афин и в помине не будет, мы увидим Б-га!

Аба Сикра глазам своим не верил. Человека одолевала печаль, смертельная печаль, и, тем не менее, в его словах слышалась сила. И его собственное отчаяние начало уступать какому-то странному чувству надежды. То казалось безумием, но он ощущал, что эта безумная надежда была в тысячу раз разумнее, чем упрямая решимость его собственного лагеря. Он вдруг понял, что раввины не были предателями и вовсе не были равнодушными к страданиям народа, которые толкнули его самого на борьбу. О, если бы только они объединили силы раньше...

Раввин заговорил новым, решительным тоном:

— Теперь время не говорить, а действовать. И вы должны мне помочь. Мне необходимо пробиться к Веспасиану. Отдайте приказ своим людям пропустить меня!

— Но он же убьет Вас! — закричал, было, в отчаянии командир. Но затем поник головой — он вспомнил, что раввин числился и в черном списке его собственного зловещего секретного общества Сикарии, и что, если бы не страх перед народным гневом, то его военный трибунал уже давно бы приговорил раввина к смерти как «друга римлян».

Раби Йоханан улыбнулся.

— Но что смерть во имя высшей цели! — сказал он, явно имитируя один из главных лозунгов Зелотов.

Его называли предателем

— Но чего Вы пытаетесь добиться? — спросил Аба Сикра, — неужели Вы думаете, что он прекратит войну, объявленную римским народом и Сенатом по просьбе одного человека?

— Увы, — отвечал раввин, — я бы сто раз отдал жизнь, если бы этого можно было добиться. Но, может быть, он помилует раввинов и их учеников. А если выживет корень, то из него сможет заново вырасти дерево.

— Не думаю, что Вам дадут даже аудиенцию с ним. Римляне арестуют Вас при первом же шаге за пределы Иерусалима и распнут, как всех тех.

И он указал пальцем, будто из их комнаты были видны тела беженцев и дезертиров, висящие на сотнях крестов на холмах вокруг города.

— К тому же, — продолжил он, — мои стражники ни за что Вас не пропустят. Я не могу делать исключения, особенно для таких, как Вы. Никто не выходит из этого города живым.

Он умолк на минутку.

— Живым... — повторил он в раздумье. А затем приклонился к раввину и начал что-то шептать ему на ухо.

Через полчаса он ушел, а раввин, в свою очередь, начал шептаться с раби Элиезером.

Наутро раби Элиезер сообщил окружающим, что раввин заболел. Весть разнеслась быстро. По слухам, у него была чума. В течение всего дня люди толпились перед домом. К нему разрешали только учеников и друзей, и только на порог его комнаты. Во всем городе все забыли о собственном отчаянном положении и молились за выздоровление раввина.

На следующее утро никого не впускали. На все вопросы отвечали: «Раввин еще спит». Но слухи множились.

После полудня из дома начали доноситься звуки молотка. Казалось, слухи подтверждаются. Толпа разразилась плачем и причитаниями. Раздался возглас:

— Раби, на кого же ты нас покидаешь!

Другие подхватили:

— Что же с нами будет!

Затем на входе появился раби Элиезер, его одежды были надорваны. Он поднял руку, и все стихли. Он объявил:

— Раби Йоханан бен Закай отдал следующие распоряжения: Его тело следует немедленно вынести за пределы города. Никаких траурных процессий и поминок. Гроб понесут только я и раби Йеошуа, больше никому нельзя даже притрагиваться. Другие ученики образуют вокруг гроба круг радиусом в четыре локтя, чтобы никто не приближался. Его кровать и всю остальную утварь комнаты следует сжечь, священные свитки — закопать. Комнату запереть. Ученики, которые пребывали в его доме, останутся там на тридцать дней. Прошу вас выполнить его волю и сейчас же отойти от входа в дом.

В толпе пронесся говор: «Чума!» Пространство перед входом быстро очистилось от народа.

Его называли предателем

Два раввина, раби Элиезер и раби Йеошуа, вынесли гроб. Вокруг него шли другие ученики, а впереди и позади шли рыдающие толпы народа. К закату процессия достигла Водяных ворот, в юго-восточной части городской стены. Гроб медленно приблизился к воротам. Дорогу преградили стражники.

— Куда? — спросил зелотский солдат на посту.

— Хоронить раби Йоханана бен Закая, — ответил раби Элиезер. — Вам же известно, что по закону нельзя оставлять мертвых в Иерусалиме даже на одну ночь.

Постовой в нерешительности повернулся к капитану:

— Откуда известно, что он действительно мертв? Может быть, проткнуть гроб копьем?

Они принялись совещаться. В толпе начался гул.

Вдруг раздались приветствия. Появился Аба Сикра. И решение вопроса перешло к нему.

— Нет, — сказал он, — если мы начнем закалывать тело почитаемого всеми раввина, с этой толпой трудно будет управиться.

— Тогда потрясем немного гроб и посмотрим, не зашевелится ли.

— Нет, — ответил командир, — любое проявление неуважения вызовет возмущение и беспорядки. Скажут, что мы боялись его живого и решили отомстить мертвому. Вполне правдоподобно, что он умер. Он был стар и слаб, сейчас умирают и более молодые.

Он повернулся к двум раввинам.

— Вас выпустят, как только стемнеет. Постарайтесь как можно дольше оставаться в тени стен и делайте все тихо. Если вас заметит враг, сдавайтесь или бежите, — но не приводите его сюда. Если вам удастся вернуться живыми, войдите через эти ворота и дайте этот пароль.

И он прошептал: «Воскрешение».

Когда полностью стемнело, и стража у ворот сообщила, что врага не видно, ворота лишь слегка приоткрыли, и два раввина протиснулись в щель. Ворота закрылись за их спиной.

Они двинулись по направлению к царским семейным захоронениям, но, как только скрылась из вида стена, повернули в другую сторону. Они спустились в долину Кидрона и приблизились к римским позициям.

Вскоре их остановили римские солдаты. Они покорно сдались и попросили привести их в ставку к центуриону, куда они принесли и гроб. Офицер вышел к ним с факелом. В его руках был кубок, из которого он только что пил.

— Хе-хе! — начал он издевательски, — кажется, евреи начинают понимать, что их ждет. Они уже приходят в саванах и приносят для себя гробы. Но тут нужно *два* гроба! Или вы уже достаточно отощали, чтобы уместиться оба в одном?

— Мы пришли, — отвечал раби Элиезер уважительно, но без страха, — чтобы объявить о том, что вам сдается раби Йоханан бен Закай. И он покорнейше просит аудиенции с генералом.

— А, это уже другой разговор, — сказал офицер. — Иоанн Закаус! У нас есть о нем сведения. Глава Санхедрина и друг Рима. Хочет вести переговоры, наверное. Хорошо, постараемся организовать. Где он сейчас?

Его называли предателем

— Он с нами, здесь, — сказал раби Элиезер и повернулся к гробу.

Офицер на секунду потерял дар речи. А затем взорвался:

— Вы опять издеваетесь, проклятые бунтовщики? Сдается после смерти?! Мы вам за это голову оторвем!

— Раби Йоханан жив, — ответил раби Элиезер. — С вашего разрешения, я открою гроб.

Центурион, наконец, начал понимать. И расхохотался:

— Ха-ха-ха! Так вот где разгадка! На этот раз издеваемся мы над евреями! Неплохо, неплохо! Троянский конь наоборот! Ну, доставайте, доставайте! Я обязан доложить об этом немедленно! Генерал любит хорошие истории за пиром.

Раввины открыли гроб и помогли раби Йоханану подняться. Он тяжело дышал, но в целом был невредим. Он поклонился офицеру и сказал:

— Господин мой, я в вашей власти.

Пленников провели к ставке генерала, центурион ушел вперед.

Веспасиан пировал с друзьями и штабными офицерами перед ставкой. Когда пленников привели, он уже вовсю смеялся над рассказом офицера. Он сразу приказал ввести раби Йоханана.

Раввин низко поклонился, а затем провозгласил:

— Мир тебе, император!

Веспасиан, не ожидая такого приветствия, на секунду замолк, но затем отвечал сурово:

— Ты дважды заслужил смерть. Во-первых, за то, что назвал меня императором, хотя прекрасно знаешь, что сейчас император Нерон. А во-вторых, за то, что оставался с повстанцами до сих пор, и только теперь сдался.

Раби Йоханан не дрогнул:

— Да, именно так, — повторил он, — вы император. Наши пророки предсказали, что Храм падет в руки властителя, а не просто генерала. И поскольку город вот-вот падет, должно быть, что вы император. А что я не сдался раньше — я бы сдался, и не один, а сдал бы весь город и закончил бы эту ужасную войну. Но наши zeloty захватили власть и не дают никому покинуть город. Они не дадут нам сдаться.

Веспасиан был явно польщен, но не хотел подать виду, поэтому отвечал язвительно, в манере римского оратора:

— Первое лишь доказывает, что ваши пророки могут ошибаться. А второе — не оправдание. Если вокруг бочки меда обвилась змея, то мы должны убить змею, даже если при этом разобьется бочка. Если не можете совладать с вашими буянами, то придется вам страдать вместе с ними.

Ответить раби Йоханану не представилось возможности. Внезапно послышался звук трубы и конский топот, в лагере поднялся переполох. Через минуту показался и сам кавалерийский взвод. С взмыленной лошади соскочил офицер, весь в пыли, быстро подошел к Веспасиану и вручил ему депешу. И даже не дожидаясь, пока тот ее прочтет, он повернулся к собравшемуся лагерю и провозгласил:

Его называли предателем

— Веспасиана объявили императором. Да здравствует император!

К возгласам присоединились все. И только потом, когда возбуждение утихло, Веспасиан вспомнил о своем пленнике. И обратился к нему уже с некоторым восхищением:

— Что ж, ваши пророки все-таки оказались правы! Понять только не могу, как народ с такими кладезями мудрости мог повести себя так глупо. Но поскольку ты правильно предсказал мою судьбу, дарую тебе жизнь.

В ударе, он сказал:

— Проси меня о какой-нибудь милости перед тем, как я уеду в Рим! Но, смотри, не слишком много, а то ничего не получишь.

— Ваше величество! — отвечал раби Йоханан серьезно, — я попрошу три вещи. Дня вас они будут мало значить, но моему сердцу они дороги. Во-первых, дайте мне город Ямния, или Явне, как мы его называем, и позвольте мне основать там институт, где оставшиеся наши мудрецы будут заниматься исследованиями и молитвами. Во-вторых, помилуйте семью нашего духовного лидера, *наси*, они не участвовали в восстании. А в-третьих, выпишите доктора для моего друга раби Цадока, который в течение последних сорока лет постился и молился, чтобы не произошла эта катастрофа. Теперь он очень слаб и не может принимать твердую пищу. Вот три мои просьбы. Да будет на то воля Вашего величества.

— И все? — спросил император в приподнятом духе. — Я думал, что тебя уже невозможно будет остановить. Ты торгуешься, как финикиец. Ну ладно, сегодня я не откажу тебе.

И он обратился к своему заместителю:

— Позаботьтесь об этих людях и дайте им то, что они просят.

Веспасиан выполнил обещание. Раби Йоханану бен Закаю довелось получить страшную весть о падении Иерусалима, он горько оплакивал разрушение Храма и ужасные страдания еврейского народа. Но ему также довелось вновь учредить Сахедрин и ешиву в Явне, и он сам исполнял обязанности духовного лидера, *наси*, пока не подрос и не стал годным на должность раби Гамлиэль, сын погибшего Наси раби Шимона.

Город Явне стал духовным центром остатков еврейского народа. Там началась работа по организации Устной Торы в форму Мишны. Там было обеспечено, что народ Израиля не исчезнет с лица земли.

Корень был спасен, и вновь могло начать расти дерево.

O. Y. Baddiel
London, England

O. И. Баддиль
Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.
Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.